

В первый год девиза Нинхэ, душной серединой лета, луна затмила созвездие Сюаньюань, а звёзды хлынули с небес рекой, точно бурный ливень.

Императорская столица Юнцзи тонула во тьме, однако тишина на её улицы так и не пришла. Повсюду полыхали мириады огней, гудела праздная, весёлая толпа. Причин для торжества не водилось — обычный летний вечер, ничем не отличавшийся от тысяч таких же за последние десятилетия. Оживлённым ночным рынкам позволялось шуметь до самой третьей стражи, что являло собой разительный контраст с мертвенным безмолвием времён прежней династии, когда суровый комендантский час превращал столицу в унылое подобие обители призраков.

Такова была Великая династия Ци.

Вся её государственная машина — от великих реформ до мелких уложений — казалось, была создана лишь ради того, чтобы упрямо перечить законам предшественников. Сумасбродная империя, в которой и Сын Неба, и последний нищий одинаково страстно предавались безудержному веселью и гастрономическим усладам.

Во внутреннем дворе дворца, под сводами Дворца Счастливого Успокоения, император Шэнь-цзун внезапно пробудился на своём драконьем ложе.

Из-за дверей доносился непривычный, пугающий шум — торопливое шуршание сотен подошв и суетливый шёпот. Время от времени тишину прорезали панические вскрики слуг, в явном нарушении всех правил приличия поддавшихся смятению:

— Звезда-разбойница! Смотрите, это звезда-разбойница!

Услышав это, Шэнь-цзун похолодел. Сердце испуганно ёкнуло, разум точно провалился в беспросветную бездну, а тело сковал такой озноб, что не осталось сил даже пошевелиться. Разумеется, в этот миг ему было глубоко наплевать на дерзость слуг, посмевших шуметь у императорской опочивальни.

В его голове лихорадочно роились обрывки воспоминаний — он тщетно пытался выудить из них хоть какую-то крупницу знаний. К примеру: что же это такое — «звезда-разбойница»?

Он точно помнил, что слышал это выражение давным-давно, ещё в детстве.

В те смутные годы небо уже являло людям подобное знамение.

Тогда его дед и отец ещё не завоевали эти благословенные земли, а старшая сестра, Вэнь Тянь, не примерила ратные доспехи. Сам он был несмышлёным младенцем и жил вместе с сестрой и вторым братом в родной деревне в Цзянцзо, где журчали чистые ручьи под горбатыми

мостиками, а ивы ласково склоняли ветви к воде.

Такой же душной серединой лета они втроём устроились под виноградной лозой, надеясь подслушать, о чём шепчутся в небесах разлучённые влюблённые — Пастух Ньюлан и Ткачиха Чжинюй.

Но разве дано простым смертным познать тайны небожителей? Семейных откровений дети так и не дождались, зато увидели, как ночной небосвод внезапно окрасился багрянцем, словно охваченный пожаром. С юга потянулся горький дым — предвестник надвигающейся бури.

Сестра тогда испуганно закричала:

— Звезда-разбойница!

А уже начавший учиться второй брат, лениво обмахивая маленького Шэнь-цзуна камышовым веером, снисходительно заметил:

— Какая ещё разбойница? Не позорься, а то люди засмеют. В учёных трактатах это знамение зовётся лиуюнь — падающей звездой.

После чего наделённая от природы богатырской силой сестра схватила брата за шиворот и без лишних слов отколотила его, как беззащитного цыплёнка. Рука у девицы была тяжёлой — бедняга потом несколько дней не мог доползти до поля.

Так будущий император навсегда усвоил два понятия: простонародную «звезду-разбойницу» и книжное «знамение лиуюнь».

Но что же стряслось вслед за тем?

Ах да. Вскоре после небесного знамения сестра отправилась вслед за отцом на войну. А потом их дед — воин до мозга костей, не знавший толком ни единого иероглифа, — низверг прежнего тирана, облачился в расшитое драконами жёлтое одеяние и провозгласил себя Гуаньцзя. Члены клана Вэнь ещё не успели отмыть болотную жижу с лодыжек, как сделались благородными принцами да принцессами, породнившись с самим Небом.

Шэнь-цзун до сих пор не мог взять в толк: его прадед был голяком и пьяницей, который с перепоею мог заложить за игральным столом собственную жену и детей — долговые расписки до сих пор пылятся на балке старого деревенского дома. Каким же образом дед ухитрился заделаться Сыном Неба?

И вот теперь, много лет спустя, зловещее знамение явилось вновь...

Что это сулило империи, объяснять не требовалось.

Жрецы из Астрономического приказа и Палаты небесных знамений — те, кому по долгу службы полагалось толковать суеверия, — в ту же ночь в полном составе явились во дворец. Падающей звезде они дали куда более велеречивое научное название: Инхо шоу синь — вторжение Марса в созвездие Сердца.

— Звезда сия уподобилась ковшу, и мириады лучей следовали за ней, устремляясь стремительным потоком во тьму... Поднявшись на северо-западе, низверглась она на юго-востоке... Сие знаменует падение удельных владык, предрекает голод и рождение чудовищ в императорском роду... — уныло вещал седой, покрытый морщинами старец, возглавлявший Астрономический приказ. В этом и состояло его ремесло — связывать любое небесное явление с земными делами, притягивая за уши самые нелепые совпадения.

Как ни старался старик, Шэнь-цзун не понял ни слова. С малых лет он питал стойкое отвращение к книжной премудрости и никогда не грезил высокими помыслами о величии родной Великой династии Ци.

Судите сами: у него был доблестный дед, трудолюбивый отец, мудрый второй брат и гениальный племянник, чьи стихи и картины превозносила вся Поднебесная. Шэнь-цзун мог сколько угодно загигать пальцы, но в его расчёты никак не ложилось то, что императорский венец в итоге достанется ему.

Но судьба обожает злые шутки.

И дед, и отец, и брат, и племянник уходили из жизни едва успев взойти на престол. Траурные одежды Шэнь-цзуна сменялись одни за другими, наслаиваясь плотными рядами, — он и опомниться не успевал, как приходил черёд оплакивать очередного родственника.

Вдова его покойного племянника, правда, носила под сердцем дитя, но то был неродившийся наследник, и никто не мог поручиться, мальчик это или девочка.

Так Шэнь-цзуна спешно усадили на трон, точно нерасторопную утку на нашест. Империей он правил всего несколько месяцев и чувствовал себя в государственных делах на редкость неуютно. Он не желал привыкать к этой ноше и превыше всего молил богов, чтобы невестка разродилась здоровым мальчиком. Тогда он с чистой совестью уступил бы престол законному наследнику и вернулся к праздной жизни.

Когда престарелый глава Астрономического приказа закончил свои занудные излияния, дрожа всем телом, словно свечной огонёк на сквозняке, к трону подошёл личный евнух императора — тот, кто толковал ему заумные речи чиновников. Склонившись к уху правителя, он прошептал:

— Почтенный Гуаньцзя, если говорить проще, господин Лю толкует сие как пришествие бесовской звезды. Это дурной знак. Небо предупреждает земного владыку о неминуемой

войне.

Одним словом: Великой династии Ци наступает конец.

«Вот ведь проклятое Небо, — мысленно выругался Шэнь-цзун. — Тоже мне, родственнички. Раньше предупредить не могли? Будто мы и без ваших знамений не знаем, до какого позора нас довели эти дикари на северо-западе!»

С самого основания Великая династия Ци находилась в кольце врагов. Ей в наследство достались не только разорённые провинции, но и ворох нерешённых споров с соседями. На бумаге империя владела обширными срединными землями, но на деле напоминала слабого ребёнка, бредущего по лесу с мешком золота на плечах под жадными взглядами голодных волков.

К тому же за какие-то сорок лет на престоле успели смениться четыре государя, и стоило очередному правителю взяться за ум и попытаться навести порядок, как его настигала безвременная смерть.

Какое-то сплошное проклятие!

— И как нам отвести эту беду? — Шэнь-цзун подался вперёд, выпятив упитанный живот. Глаза его блестели. Он едва сдерживался, чтобы не предложить: а не объявить ли всеобщую амнистию, не издать ли покаянный манифест или, чего доброго, не отречься ли от престола, дабы умилостивить грозные небеса? Лишь бы пощадили его несчастное государство.

Тут один из младших писцов Астрономического приказа решил выслужиться. Он вовремя вспомнил предание из философского трактата «Хуайнань-цзы» о том, как в древности правитель царства Сун отвёл от себя беду.

Выступив из строя и низко склонившись, юноша произнёс:

— Инхо — это кара небесная, предначертанная владыке. Однако сию беду можно переложить на плечи канцлера.

Суть предложения была проста: небесное проклятие работало точь-в-точь как зловерный навет, который можно перенаправить на другого. Например, на главу правительства.

«Да за что же канцлеру-то такие муки?» — испугался Шэнь-цзун. Сам он спал и видел, как поскорее избавится от власти, поэтому затряс головой.

Глаза писца лихорадочно заблестели, он сделал ещё шаг вперёд и заговорщически прошептал:

— В таком случае, беду можно переложить на простой люд.

— Ещё чего выдумал! — вскипел Шэнь-цзун, не на шутку рассердившись.

Его предки в трёх поколениях гнули спину на пашне и никогда бы не взяли за вилы, если бы жизнь окончательно не припёрла их к стене. Покойный дед-основатель Тай-цу, поклонявшийся заветам предков, сурово наказывал беречь народ как собственное дитя. Горе тому неблагодарному выродку, кто посмеет угнетать простых людей, подражая заносчивым столичным богатеям, — дедовская плеть прошла бы по его спине без пощады.

При одном воспоминании о тяжёлой руке деда у Шэнь-цзуна подкосились колени.

Однако теперь оживился не только этот юнец, но и остальные советники. Всем было ведомо, что Шэнь-цзун, подобно своему грозному предку, не силен в изящной словесности. Он заведомо не читал древних трактатов и знать не знал притчу о великодушии правителя царства Сун. Чиновники смекнули, что сама судьба подыгрывает им: если государь без указки повторит слова древнего мудреца, гроза пройдёт стороной.

— Тогда переложим её на урожай! — хором воскликнули вельможи, да так дружно, что содрогнулись своды залы.

Шэнь-цзун, и без того не отличавшийся храбростью, испуганно вздрогнул. Шляпа его с длинными полями накренилась набок, и ему пришлось неловко поправлять её, тщетно пытаясь вернуть на место. В этом жесте сквозила вся его нерешительность. Облачённый в императорский пурпур, он так и не обрёл величия истинного владыки, и даже натянутая улыбка выдавала глубокое смятение.

Переложить бремя на «урожай» означало взвинтить налоги. Янтарные глаза Шэнь-цзуна недоверчиво прищурились.

Присутствующие затаили дыхание: неужели в шаге от спасительного предзнаменования государь вздумает перечить вековому канону?

К всеобщему облегчению, император лишь ненадолго задумался. В конце концов, налоги бьют по карману простых крестьян. А коли так, дедовской плети ему всё равно не миновать.

— Нет, и это не годится, — отрезал он.

Испив чашу сомнений до дна, Шэнь-цзун сам того не ведая повторил троекратный отказ древнего мудреца! Вельможи облегченно выдохнули. Предание гласило: когда небо явило кару правителю Сун, жрецы трижды предлагали ему отвести беду за чужой счёт, но государь всякий раз отвергал их замыслы из сострадания к ближним, чем и стяжал прощение богов.

И теперь, когда древний обряд свершился наяву, вельможи укрепились в вере: пусть Шэнь-цзун не блистал умом, но унаследовал от предков доброе и милосердное сердце, способное отвлечь любую беду.

Глядя на прослезившихся от восторга старцев, сам император лишь растерянно моргал, совершенно не понимая, что именно он только что исправил.

Лишь спустя несколько дней, когда из Цзянцзо прибыл срочный гонец с золотой табличкой, Шэнь-цзун поверил, что гроза действительно миновала.

Оказалось, в ночь небесного знамения огромная звезда рухнула прямоком на восточный склон горы Фэнхуан. Вспышка была столь яркой, что озарила округу на многие мили кругом. Усадьба наследника Ше стояла как раз у подножия этой горы, и раскалённый небесный обломок угодил точнёхонько в темя юноше, который за каким-то чёртом не спал в столь поздний час и бродил по окрестностям.

В глубине души Шэнь-цзун рассудил: вот она, небесная кара, отыскавшая себе иную жертву.

Наследнику Ше едва исполнилось пятнадцать. Он был единственным сыном Великой старшей принцессы-покровительницы государства Вэнь Тянь и её супруга, названного зятя Ше Хэ.

Великая старшая принцесса-покровительница государства приходилась императору старшей сестрой, которая заменила ему мать и вырастила его. Шэнь-цзун питал к ней столь сильные и противоречивые чувства, что и сам не мог разобраться, чего в них больше — преданной любви или благоговейного страха.

Прознав, что несчастный племянник лежит без памяти, государь извёлся от угрызений совести. Ему почудилось, будто придворные жрецы втайне от него провели чёрный обряд и перенаправили гнев богов на невинного Ше Цзе. А уж когда пришло известие, что Великая старшая принцесса-покровительница государства Вэнь Тянь лично пожаловала во дворец, у него и вовсе душа ушла в пятки. Доклады слуг, разносившиеся от самых Алых ворот до Дворца Счастливого Успокоения, звучали для него как смертный приговор.

Вэнь Тянь предстала перед ним в роскошном шёлковом платье цвета спелого граната. От неё исходил густой, дурманивший аромат благовоний. По годам она годилась императору в матери, однако благодаря усердному уходу сохранила столь цветущий вид, что казалась моложе своего вечно сонного и измождённого брата.

Переступив порог, Великая старшая принцесса-покровительница государства устроилась в зале так же непринуждённо, как у себя дома. Всему виной были старые устои, заложенные ещё покойным дедом Тай-цу. Тот терпеть не мог напыщенных церемоний и запрещал домочадцам величать друг друга «Вашим Величеством» или «преданным сыном», требуя

простых семейных обращений. Как общались в деревне, так и продолжали говорить за высокими стенами дворца.

Шэнь-цзуну эти повадки были привычны, и менять их он не помышлял. Пускай теперь он носил титул императора, страх перед старшей сестрой никуда не делся. Отослав слуг прочь, он собственноручно налил Вэнь Тянь чашу чая, надеясь улестить её прежде, чем на его голову обрушится гневная тирада.

— Туньэр — мой единственный сын и твой единственный племянник, — твёрдо произнесла она, даже не думая ругаться: сейчас ей было не до того. — Ты обязан его спасти.

— Спасу! Обязательно спасу! — закивал Шэнь-цзун с такой горячностью, словно готов был казнить любого, кто посмеет ему перечить.

— Я требую, чтобы к нему немедленно отправили лучшего придворного лекаря Хэань из Императорской медицинской академии Ханьлинь. — Придворный лекарь Хэань имел высочайший врачебный ранг, и обычно они заботились лишь о здоровье государя и императрицы.

— Да я всех отправлю! — всплеснул руками император. Ещё до её прихода он велел собрать всех лекарей академии, от мала до велика, и снарядить их в Цзянцзо, пообещав на прощание: «Если не поднимете мальчишку на ноги, я вас самих живьём в могилу уложу!»

— И ещё: ты отправишься в Цзянцзо вместе со мной!

— Разумеется, отпра... Погоди, что?!

<http://bllate.org/book/19472/1950590>